

Куда играем дальше?

Творчество Михаила Булгакова. Исследования.
Материалы. Библиография. Книга 3. СПб., Наука

Леонид Кацис

Б

улгаковский трехтомник Пушкинского Дома (1991—1995) наконец-то издан — можно судить о «целом». Тому способствует композиционная симметрия: в первой книге библиография Булгакова, в третьей — библиография булгаковедения (обе составлены Б. С. Мягковым). Похоже, однако, что библиография № 1 осталась тайной для иных авторов сборника № 3. Да и для ответственных редакторов. В статье А. И. Фиолетовой читаем: «Как же возник у писателя замысел комедии «Багровый остров»? <...> Оказывается (! — Л. К.), у пьесы Булгакова есть прямой предшественник. Им был памфлет, носящий название «Багровый остров. Роман тов. Жюля Верна. С французского на эфиопский перевод Михаил Булгаков». Известный персонаж в аналогичном случае поминал бином Ньютона — фельетон, разумеется, в библиографии Мягкова отмечен. Риторический пассаж Фиолетовой маскирует мнимость «открытия», гармонирующего с другими давно известными «новациями» ее статьи (например, связь «Багрового острова» с «Вампукой»).

Другое библиографическое умолчание сопутствует статье Н. К. Гаврюшина «Нравственный идеал и литургическая символика в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Сей опыт удостоился специальной редакторской рекомендации: «В особую тему выделяется в сборнике вопрос о библеистике, православной атрибутике в романе «Мастер и Маргарита». Умолчим о слоге — нам явно рекомендуют фундаментальный труд, открывающий невиданные перспективы. Из библиографии же можно узнать, что Гаврюшин в 1991 году осчастливил мир и № 8 журнала «Вопросы литературы» «Литостроителем, или Мастером без Маргариты». Его публикации в парижском «Символе» (1990, № 23) и некоторых провинциальных изданиях регистрации избежали. Меж тем все они (с малыми вариациями) посвящены одному вопросу — тому самому, что в академическом сборнике «выделяется в особую тему». Ладно, повторение — мать учения, но не худо бы ссылаться на исследователей, что обнаружили на страницах «Мастера и Маргариты» изображение черной мессы пораньше, чем Гаврюшин. В «Памире» (1986, №№ 5, 6) уви-

дело свежее тонкое исследование О. Кушлиной и Ю. Смирнова «Магия слова» (смотрите библиографию!); того раньше в Иерусалиме Б. М. Гаспаров напечатал работу «Из наблюдений над мотивной структурой «Мастера и Маргариты». Если Гаврюшина (и редактор) не устраивает место первопубликации, то можно отослать к перепечатке статьи в «Даугаве» (1988—1989; опять-таки забиблиографирована Мягковым).

Но ведь есть же у Гаврюшина «свое»? Есть. Омовение Маргариты он сопоставляет с иудейским обрядом, ссылаясь на сочинения В. В. Розанова. Стоило бы прямо сказать, что значит в контексте розановских измышлений о «юдаизме» образность Миквы. Любопытствующих отсылаю к своей статье в журнале «Начала» (1992, № 3). Здесь же замечу, что «связь» иудейского ритуала с омовением в крови

Булгакова, М. Петровский, М. Золотоносов и др.), выводится очередная «средняя линия», а читатели полегоньку вводятся в заблуждение. Муромский сочувственно ссылается на статью в «Литературной газете» (29.09.93), где М. Золотоносов и автор этой рецензии характеризовались не в парламентской манере. За что? За попытку посмотреть на Булгакова без шор («Литературное обозрение» 1991, № 5). Дело прошлое (в свою пору я в «Сегодня» по этому сюжету высказался), но *понятное*. А Муромский, как бы присоединяясь к «ЛГ», витийствует: «Что же в таком случае движет исследователями, утверждающими, вопреки очевидному, что Булгаков умело зашифровал пьесу о Сталине, сознательно повернув ее в критическое русло? <...> Эта своеобразная литературоведческая игра на «повышение» или «понижение» Булгакова была затеяна почти десятилетие назад...» Золотоносов-то писал (и был выбран) прямо противоположное тому, что ему Муромский инкриминирует!

Запутавшись в «играх на понижение/повышение», сам Муромский играет «на нейтрализацию». Отсюда этические и научно несостоятельное (каждый случай — особый!) стремление растворить историю с «Батумом» в «общем списке» («советские» тексты Пастернака, Ахматовой, Мандельштама, Заболоцкого). Отсюда же простенькое решение: «Батум» в <...> творческой биографии был всего лишь эпизодом...» А «Мастер» — первоначальное название этой пьесы, построенной на фальсифицированных мемуарах, — тоже случайно? А Сталин в качестве первого (провидимого) читателя «Мастера и Маргариты» — тоже эпизод?

При таком уровне «научных» статей, что говорить об «околооگونьковской» публицистике Т. М. Вахитовой? Может, до августа 1991 года ее текст о письмах Булгакову к правительству и смотрелся бы, да времена на дворе иные.

Впрочем, смотря на каком.

Болтовня о «понижениях/повышениях» находится вне поля науки. Как и риторическое имитаторство. Сборник улучшают, но не выручают безусловно полезные материалы: публикации эпистолярия (Б. В. Соколов, В. В. Бузник), окончание обзора рукописей, хранящихся в Пушкинском Доме (Я. С. Лурье), статья Дж. Куртиса «М. А. Булгаков и иностранные языки». Книги судятся по общему уровню осмысления затронутых вопросов, по реальной включенности в научную традицию. Тут библиографией не обойдешься. Пора «играть на повышение».

АДОЛЬФ ОВЕРЕНДЕР

— изобретение Розанова. Розановские воззрения были актуальны для Булгакова — тут бы и разобраться: не подгоняя Розанова «под себя», помня о «подвижности» его мифологем (Розанов какой поры сказался в построениях Булгакова? и как?) и не отождествляя их с реальностью. А в который раз повторенный Гаврюшиным намек на сатанизм иудаизма ясен давно — как и выводы о нравственной (и научной) позиции исследователя «нравственного идеала».

Своеобразный интерес представляет статья В. П. Муромского о «Батуме». Анализируются (путано пересказываются) сложившиеся концепции (А. Смелянский, М. Чу-